

О СТРУКТУРАХ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Е. КУЗМИЦКЕНЕ

Структуры изучаемого языка должны постоянно находиться в нашей памяти. При необходимости, в соответствии с заданной ситуацией, они должны из нее извлекаться и легко и просто воспроизводиться. Человек, владеющий двумя (и более) языками, имеет как бы два (и более) набора моделей и пользуется то одним, то другим из них, в зависимости от ситуации.

Задача преподавателя иностранного языка состоит в том, чтобы показать параллельные структуры языков и, что особенно важно, подчеркнуть структурные различия родного и иностранного языков. Наибольшую трудность в изучении иностранного языка представляют навыки структурных особенностей родного языка в противопоставлении с иностранным, ибо изучающий иностранный язык всегда переносит мыслительные навыки родного языка в изучаемый язык.

Одна и та же мысль, одно и то же содержание выражается в различных языках различными средствами. И если рассматривать форму как способ реализации содержания, то становится ясно, почему различные языки накладывают различный отпечаток на образ мышления. Языковое оформление мысли далеко не одинаково в различных языках. Общеизвестно, что одни и те же предметы и явления представлены в конкретных языках с разной степенью дифференциации. Например, обозначение состояний погоды, спектра, отрезков суток, шкалы температуры, дерева, животных, наличие или отсутствие в отдельных языках артикля, категории вида, определенности-неопределенности и т.д., — все это говорит о том, что обозначение одного и того же содержания может быть в одних языках обязательным, в других — факультативным. Каждый язык по-своему реагирует на заданные ситуации, употребляя присущие ему структуры.

Что же такое структура? Как и многие другие понятия, широко используемые в языкознании, понятие „структуры“ не имеет общепризнанного определения. Каждый автор вкладывает в этот термин свое понимание слова „структуры“. И даже у одного автора этот термин может встречаться в разных значениях. Прибегая к помощи обобщающей философской трактовки,

скажем, что структура — это система взаимоотношений элементов, представляющая единое целое. „Знание, будучи языковой системой, образует своеобразный мир, имеющий определенную структуру, включающую в себя связь между ее образующими элементами по известным правилам. Эта система имеет свои законы построения и функционирования“...¹

Структурные особенности языка накладывают отпечаток на формирование мысли. Принципы структуры языка детерминированы определенными закономерностями мышления. В каждом языке проявляются особые закономерности в соотношении между структурой высказывания и структурой действительности.

В нашем изложении речь пойдет в основном о структурах формы языка. Но что касается структуры языка как в плане содержания, так и в плане выражения (т. е. формы), то взаимоотношения их настолько тесны, они так взаимосвязаны, что порой трудно отграничить одно от другого. Вероятно, этим и объясняется такая недифференцированность термина „структура“ в языкознании. Кроме того, нет однозначного подхода и к принципу сравнения языковых структур. Г. Глисон пишет: „Содержание, вне его структуры, не поддается какому-либо обобщению... Однако единого подхода, который позволил бы охватить весь материал в целом и таким образом послужил бы отправным пунктом для сравнения различных языковых структур, ещё нет“².

Нас интересуют глубоко укоренившиеся в сознании традиционные представления, навыки и схемы мышления, интеллектуальные установки и ориентации, связанные с языком, влияние структурных особенностей языка на формирование и языковое овеществление мысли, интересует процесс облачения мысли в словесную оболочку и выбор способа выражения, закрепленного обычаям в данном языке.

В настоящее время в мире существует около трех тысяч языков, обладающих своими структурными системами. Л. В. Щерба считал первой из важнейших проблем языковедения „сравнительное изучение структуры и строя различных языков“³.

При обучении иностранному языку необходимо заниматься сравнением структур родного и изучаемого языка, ибо „изучить чужой язык не значит привесить новые ярлычки к знакомым объектам, овладеть языком — значит научиться по-иному анализировать то, что составляет предмет языковой ком-

¹ П. В. Копнин, Философские проблемы языка, — Сб.: Философия и современность, изд-во „Наука“, М., 1971, стр. 200.

² Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 44.

³ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языкознания. Т. IV, вып. 5, Известия АН СССР ОЛЯ, 1945, стр. 1.

муникации⁴. Структуры содержания, выливаясь в различные структуры способа выражения (т. е. формы), изменяют вместе с формой свое содержание. Вот почему порой бывает трудно что-либо перевести с одного языка на другой, особенно в области художественной литературы. Считается установленным фактом невозможность точной переводимости идиом (идиоматических словосочетаний) на другие языки и замены их при переводе сходными выражениями. Это касается также фразеологизмов. Переводчики утверждают также невозможность полной переводимости всех понятий⁵.

Структуры одного языка обнаруживаются лишь в сравнении с явлениями другого языка. О. Есперсен считает, что от структуры языка зависят синтаксические категории языка. Изучающему другой язык постоянно приходится иметь дело со структурами то в одном, то в другом языке. Изучающий иностранный язык должен быть уверен, что он не только грамматически верно выражает свои мысли, но и в соответствии с обычным употреблением структур в изучаемом языке. Иначе получится, как говорил К. Д. Ушинский, что человек говорит по-французски, а мыслит по-татарски, т. е., как мы это понимаем, сквозь французскую форму у него чётко проступает структура содержания другого языка. Употребляя французские слова, человек продолжает мыслить представлениями своего родного языка, не выходя за пределы духовных установок и ориентации своего родного языка.

Н. К. Крупская, говоря об изучении иностранных языков, заметила: „Изучение языка на первом концентре должно связываться с самого начала с изучением духа языка, его особенностей, а также с изучением жизни и истории того народа или тех народов, которые на этом языке говорят“⁶.

Нас интересует как раз этот „дух языка“, отличительные его особенности, ибо они связаны со структурами языка, как грамматическими, так и понятийными, содержательными. Часто при употреблении иностранных языков проступает структура родного языка, привычный ход мышления. Связь языка и мышления проявляется наиболее наглядно в содержательной стороне языка. Фразы, состоящие, например, из английских слов, построены зачастую на литовский или русский лад, если у изучающего английский язык родным языком является один из вышеназванных языков. В таком случае преподаватель английского языка говорит: „Грамматически это верно, но

⁴ А. Мартине, Основы общей лингвистики, Новое в лингвистике, вып. 3, М., 1963, стр. 375.

⁵ А. К. Ребане, О влиянии языка на категориальную структуру мышления, — Ученые записки Тартуского госуниверситета, Тарту, вып. 212, Труды по философии, XI, 1968, стр. 63.

⁶ Н. К. Крупская, Педагогические сочинения (в десяти томах), Т. 3, 1959, стр. 43.

это не по-английски. Англичане так не скажут“. И действительно, англичане так не говорят, ибо это не закреплено у них в подобной смысловой структуре. Например, когда речь идет о команде для матросов на судне, то выражение „Все наверх!“ наши учащиеся и студенты могут перевести „Everybody is to be upstairs“, в то время как англичане говорят: „All hands deck!“ Или: „Нужны рабочие“. Наши учащиеся и студенты, исходя из мыслительных навыков родного языка, переводят эту фразу так: „Workers are required“. А англичане в этом случае говорят: „Hands are required“. Или возьмем структурную единицу: „Сколько Вам лет?“ „Kiek Jums metų?“, „Kiek Jūs turite metų?“. Если же возьмем английский или немецкий язык, то там картина меняется, спрашивать надо не „Сколько Вам лет?“, а „Как Вы стары?“, причем обязателен глагол „to be“ в английском языке и sein в немецком языке. „How old are you?“ (I am twenty years old), „Wie alt sind Sie?“ (Ich bin 20 Jahre alt).

Эти структуры требуют определенного плана выражения. Но часто вместо глагола „быть“ (to be, sein) студенты, изучающие английский и немецкий в качестве иностранных языков, пытаются подставить глагол „иметь“: „I have... Ich habe...“ — часто говорят они в подобной ситуации. Мыслительный навык родного языка подсказывает им эту форму. И только после напоминания о глаголе они употребляют правильную структуру. Выходит, теоретически они ее знают, только практически она не доведена у них до степени навыка. Поэтому, как пишет Чарльз К. Фриз, обучение иностранному языку состоит не в обучении данным о языке, а в развитии новых навыков, нового набора привычек, т. е. добавим от себя, новых структур, новых мыслительных навыков. Необходимо поэтому разрабатывать учебный материал по-разному в зависимости от того, какой именно язык является родным. То, что легко для француза, может оказаться трудным для немца, англичанина, литовца, русского и т. д., ибо каждый народ смотрит на мир через призму своего родного языка. Чаще всего в системе грамматических значений проявляются в наиболее общей форме как закономерности мышления, так и закономерности общения. Качественная специфика грамматического значения проявляется и в плане содержания, и в плане выражения. Гегель придавал грамматике гносеологическое значение логики: „...кто владеет каким-нибудь языком и в то же время знает и другие языки, которые он сопоставляет с ним, только тот и может почувствовать дух и образованность народа в грамматике его языка; эти же правила и формы имеют теперь для него наполненную содержанием, живую ценность. Он в состоянии через грамматику познать выражение духа вообще — логику“⁷. Для того чтобы фраза легко рож-

⁷ Гегель, Наука логики, т. I, М., „Мысль“, 1970, стр. 111.

далась, чтобы ею практически можно было пользоваться, надо, чтобы она воспроизводилась автоматически. А автоматизм достигается в результате осознанных повторений. Поэтому надо добиваться, чтобы подобные фразы превращались в результате многократных повторений в употребительный навык, т. е. в конечном счете в структуры. Активизируя структуры изучаемого языка, мы таким образом снимаем разлад между двумя ориентациями мыслительного процесса.

Интересно, что эту область структур Пальмер назвал по *man's land*.

Обучая иностранному языку, мы должны учить мыслить на этом языке. Психолог Б. В. Беляев писал: „Владеть языком – мыслить на нем“⁸. Но чтобы начать мыслить на другом языке, до степени навыка должны быть доведены не только структурные грамматические особенности изучаемого языка, но и разница, несоответствие и несовместимость структурных моделей лексики изучаемых языков, несоответствие понятийных систем и социально-культурного содержания родного и изучаемого языков. Например, всем изучающим английский или немецкий языки при сравнении, скажем, с русским и литовским языками давно известно, что для понятия „синий“ и „голубой“ немцы и англичане (вообще германская группа языков) употребляют одно слово „blau“ (немцы) и „blue“ (англичане).

Или: если возьмем литовский язык, то в нем местоимение „свой“ имеет одну форму, независимо от рода, лица и числа. В английском же *his* – его, *her* – её, в немецком тоже *sein* – его, *ihr* – её. Для литовских и русских студентов, изучающих, например, немецкий язык в качестве иностранного, определенные трудности представляет соотнесенность каждого личного местоимения с его притяжательным и возвратным местоимением: *ich – mein, mich; du – dein, dich; wir – unser, uns* и т. д. Находясь в плену глубоко укоренившихся в сознании традиционных навыков мышления, т. е. структур своего родного языка, литовские и русские студенты часто пытаются, говоря по-немецки, местоимение „*savo*“ или „свой“ всюду заменить местоимением „*sein*“, хотя личное местоимение требует совсем другого соответствия. Например, „*Wo hast du seine Sommerferien verbracht?*“ – спрашивают они (вместо *deine Sommerferien*). По всей вероятности, эту форму *sein* им подсказывает внешнее сходство этого слова с родным „*savo*“ или „свой“. А. Р. Будагов приводит такой пример: „Когда немец говорит *er ist in den fünfzigern* „ему пошел шестой десяток лет“, то он отталкивается от понятия „пятидесяти“ (*fünfzig*), между тем как соответствующее русское выражение оказывается более „безжалостным“ по отношению к возрасту говорящего (напоминает

⁸ Б. В. Беляев, Очерки по психологии обучения иностранным языкам, М., 1965, стр. 36.

ему о шестом десятке)⁹. Как видим, мир внутренней формы языка видоизменяется от языка к языку. Это проявляется даже в научно-технической сфере. Как пишет В. Г. Гак, сопоставление способов формирования французской и русской научно-технической терминологии показывает, что при создании терминов в русском языке в основу наименования берутся *функции* объекта либо его пространственные отношения. Во французском же языке терминологические наименования образуются чаще путем метафорического переноса, где принимаются во внимание *внешние* свойства предмета¹⁰. Наименования различной внутренней формы могут получить не только субстанции, но и качества, и действия. В каждом языке проявляются свои закономерности взаимосвязи между структурой высказывания и структурой действительности. Примеров этому можно приводить много. Все они свидетельствуют о том, что „... переход от одного языка к другому не есть простое, механическое „наклеивание“ одних „ярлыков“ на место других, т. е. на одни и те же заранее данные, сами по себе ясно выделенные мысли. Напротив, в очень большом числе случаев приходится сталкиваться не только с различным изображением явно того же самого, но и с такими разными данными для оформления мысли, которые наталкивают на образование не вполне одинаковых мыслей и не только заставляют „подчеркивать“ в предметах, явлениях и отношениях их разные стороны, но и приводят к разной классификации, к разной „сортировке“ соответствующих элементов действительности“¹¹. Поэтому при обучении иностранному языку приходится прививать учащимся новые мыслительные навыки, новые структуры, взгляд на окружающий нас мир под другим углом зрения. Обучение иностранному языку — это постоянная борьба со структурными навыками родного языка, привитие новых языковых навыков.

Изучение иностранного языка дает не только новые возможности для коммуникации, для общения людей между собой, для передачи мыслей (как в устной, так и в письменной форме), оно также расширяет наши мыслительные возможности, возможности познания мира, создает новые социально-психологические установки. Л. В. Щерба говорил, что язык теснейшим образом связан с мышлением, отражая систему понятий определенного человеческого коллектива. Поэтому, изучая язык того или другого народа, мы

---

⁹ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке, М., Учпедгиз, 1958, стр. 66.

¹⁰ В. Г. Гак, К проблеме соотношения языка и действительности, — Вопросы языкознания, 1972, № 5, стр. 17.

¹¹ А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О лингвистических основах преподавания иностранных языков, — „Иностранные языки в школе“, 1954, § 3, стр. 47.

изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которые он воспринимает действительность¹². И структуры языка при этом играют очень большую роль.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Vokiečių kalbos katedra

Įteikta
1973 m. vasario mėn.

APIE TURINIO IR FORMOS STRUKTŪRAS SKIRTINGOSE KALBOSE

Rezumė

Straipsnyje nagrinėjamas skirtingų kalbų turinio ir formos struktūrų klausimas. Vienos kalbos struktūros paaiškėja, kai jos lyginamos su kitų kalbų struktūromis. Tai turi ypač didelę reikšmę svetimų kalbų įsisavinimui. Autorė yra tos nuomonės, kad, studijuojant svetimą kalbą, būtina išmokti ta kalba mąstyti. Tai pasiekti padeda skirtingų sąvokų sistemų įsisavinimas.

---

¹² Л. В. Шерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, М., 1947.